

WCP 2008 Proceedings
Vol. 26 Philosophy and Literature

Литературные стили науки и философии

Ольга Владимировна Лебникова
Омский государственный университет путей сообщения, Russia
aodipioo@mail.ru

ABSTRACT Our modern culture is written culture first of all. And therefore now the perception of every sphere of human activity is connected with the purport of the Literary idea, idea of the space, which includes all metamorphoses of Writing. And so science and philosophy take on specific significance as varieties of the literature with corresponding stylistic descriptions. Here I consider the style 1) as particular motion of the body of Writing, in which its nature reflects; 2) as living thing, realizing not verbal cultural ideals; 3) as the way and the incarnating form of the conversion of consciousness; 4) as organizing «grammatical» principle, which determines the structure of certain literary «language». The investigation of the literary styles of science and philosophy permits to expose likenesses (for example, the level of the cogitative viscosity of the texts) and differences (for example, in the principles of the construction of scientific and philosophical plots) between indicated manners.

Современная культура может быть рассмотрена, прежде всего, как письменная культура. И, следовательно, отношение к любой сфере человеческой деятельности сейчас может выстраиваться

через осмысление идеи Литературы, понимаемой предельно всеобщим образом, т.е. как пространство, вмещающее в себя все проявления и метаморфозы письма. Соответственно, тогда и философия, и наука приобретают весьма специфический статус обладающих некоторыми сущностными, и в том числе стилистическими, чертами литератур.

«Стиль» же вообще – это довольно многозначное понятие. Причем, как в смысле осознания широты спектра его возможных интерпретаций, так и в отношении установления границ сферы его применения. В первом случае необходимо констатировать отсутствие в рамках наличной традиции гуманитарного знания единообразного, подходящего ко всем случаям жизни определения данного термина, во втором же случае следует обратить внимание на многообразие его существующих приложений.

Говоря о философском и научном литературных стилях, мы будем здесь истолковывать термин «стиль», прежде всего, в обозначенных ниже контекстах понимания:

1) стиль – это особое движение *тела* письма, в котором отражается его характер. Стиль, таким образом, всегда несет на себе отпечаток специфических свойств того конкретного вида литературного творчества, которому он принадлежит, и, следовательно, само это творчество может быть «узвано» в совокупности соответствующих стилистических особенностей;

2) стиль – это «живое» образование, в том смысле, что он всегда является чем-то большим, чем простой набор приемов и уловок. В нем постоянно присутствует некое «добавление», наличие которого задается принципиально важными, но зачастую невербализуемыми культурными идеалами. И, по большому счету, именно это «добавление» позволяет тому или иному стилю приобретать тот или иной *значимый* культурный статус;

3) в феноменологической перспективе стиль – это способ и воплощенная форма реализации сознания. В любом виде литературного творчества именно стиль выступает в качестве специфического упорядочивающего элемента, предписывающего интеллектуальной деятельности литератора, писателя определенную размерность;

4) стиль – это организующий «грамматический» принцип, в соответствии с которым выстраивается структура определенного литературного «языка». Фактически именно стиль задает те правила, на основе которых затем формируются денотационные, сигнификационные и манифестационные отношения в рамках разного рода литературных практик.

Прежде всего, отметим те основные стилистические особенности, которые равным образом характеризуют и структуру любого современного философского текста, и структуру текста научного:

1) «серьезность». Здесь имеется в виду определенное свойство общего отношения к предмету философского (и научного) интереса, общего восприятия (всякими писателями и читателями) соответствующего толка философий и философствований как занятий, требующих вдумчивого и, в каком-то смысле, медитативного отношения. Философ (как и ученый) всегда словно бы должен удерживать на лице «приличествующее» ему «серьезное» выражение, каковое, в свою очередь, обязательно должно находить воплощение в самой его манере формулирования мыслей на письме, а равным образом и в манере чтения тех или иных текстов. По этому поводу в свое время очень удачно и емко высказывался Ф. В. Шеллинг, который утверждал, что философствующему субъекту жизненно необходимо всегда выказывать своего рода интеллектуальную «стыдливость» и избегать в познании того «похотливого вожделения», которое

«бросается на все без серьезности и любви, без желания созидать и творить».¹

Именно эту стилистическую особенность философской литературы имел в виду Ф. Ницше, когда критиковал западную традицию философствования за «дурной вкус» и «долгое воздержание и бессилие». Он писал: «В будущем..., может быть, смех соединится с мудростью, быть может, из всех наук останется лишь «веселая наука». Нынче дело обстоит еще совершенно иначе, нынче комедия существования не «осознала» еще себя самое – нынче царит все еще время трагедии, время нравоучений и религий».²

Возможно, одной из причин подобного положения дел является то обстоятельство, что вообще философия как деятельность и как литература с необходимостью предполагает некий момент рационального освоения действительности (ведь, по сути, даже обоснование такого феномена, как, к примеру, иррационализм, дается рациональным образом). Рациональность же имплицитно, помимо прочего, идею определенного интеллектуального «распорядка», соблюдение которого требует последовательности и «серьезности» (аналогичная ситуация прослеживается и в научной литературе);

2) использование устойчивых терминологических рядов. Для философского (впрочем, как и для научного) литературного стиля характерно стремление опереться на некоторые стационарные точки отсчета смысла, которые фиксируются в границах определенных сущностных перспектив, очерченных теми или

¹ Ф. В. Шеллинг, *Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах* в Ф. В. Шеллинг, *Сочинения*, Т. 2 (Мысль, Москва 1989), с. 157.

² Ф. Ницше, *Веселая наука* в Ф. Ницше, *Сочинения*, Т. 1 (Мысль, Москва 1997), с. 514.

инными терминологическими рядами. По сути, во многом, именно по наличию соответствующих понятий, терминов мы и «узнаем» в разного рода текстах тексты философии (или науки).

Кстати говоря, именно существование подобных устойчивых рядов создает иллюзию возможности восприятия философии в качестве сферы действия наукообразного дискурса, оперирующего строгими, однозначно заданными понятиями. Однако в случае пристального рассмотрения этого вопроса становится ясно, что философская терминология все-таки образуется по совершенно иным по сравнению с наукой принципам и играет в соответствующих философских текстах совершенно иную роль;

3) высокая степень «когнитивной вязкости» текстов. Под «когнитивной вязкостью» в настоящем случае подразумевается определенное свойство тех или иных философских (либо научных) текстов «замедлять» процесс чтения. Что же, в свою очередь, означает это «замедление»?

У. Эко описал данный феномен применительно к художественной литературе, однако, по сути, предложенная им концептуальная схема может быть распространена на все разновидности литературного творчества. Так, по его мнению, одной из важнейших проблем литературоведения в целом является проблема исследования самого «времени дискурса», которое есть «результат совокупности приемов, которые обуславливают читательскую реакцию, равно как и время чтения».³ Следовательно, речь здесь идет о том, что любой текст предполагает определенную скорость продвижения читателя от первой его страницы к последней и от завязки к развязке.

Относительно философской и научной литературы следует заметить, что из всех видов литературной деятельности именно

³ У. Эко, Шесть прогулок в литературных лесах (Симпозиум, Санкт-Петербург 2002), с. 106.

они способны в наибольшей степени «замедлять» процесс чтения, именно они обладают наивысшей (и близкой друг другу «по модулю») степенью когнитивной «вязкости» текстов. Данное обстоятельство обуславливается, как минимум, двумя факторами. Во-первых, и философские, и научные тексты содержат максимальное количество более или менее сложных идей на единицу соответствующего информационного объема, а, во-вторых, как научные, так и философские тексты по самой своей природе предполагают весьма специфическое, рефлексирующее отношение к себе со стороны всякого потенциального читателя (ведь данные тексты, как правило, изначально словно бы противопоставляются любой попытке восприятия их в качестве средства развлечения и увеселения чьего бы то ни было скучающего взора).

Рассмотрим теперь те стилистические особенности философских текстов, которые *противопоставляют* философскую литературу литературе научной:

1) использование креативного потенциала метафор и метафорических образов (точнее *допущение, разрешение* возможности использования этого потенциала). Речь здесь идет о том, что в философских текстах довольно часто их собственно метафизическое содержание передается не только с помощью тех или иных логических фигур, но и с помощью фигур риторических. В философском тексте зачастую можно обнаружить своего рода системообразующую «сетку» образов и эмоционально насыщенных оборотов речи, определенным манером (намеренно или спонтанно) ориентирующих восприятие соответствующего текста.⁴ В научной литературе аналогичная ситуация не может

⁴ M. Macdonald, *The philosopher's use of analogy in Logic and language. A collection of philosophical articles* (Basil Blackwell, Oxford 1951), pp. 80 – 100.

наблюдаться в принципе, поскольку само значение понятия «наука» подразумевает формальность, ригористичность, а значит, и «антихудожественность» изложения материала.

В этом смысле и в силу указанных обстоятельств, можно сказать, что всякий научный текст апеллирует, в основном, к нашему аналитическому воображению, в то время как текст философский – помимо этого и порой даже в большей степени, к тому, что Г. Башляр очень удачно называет «грезящим» воображением⁵;

2) принципиальное отсутствие в философских тезаурусах ориентации на построение в отношении входящих в них терминов тех или иных адекватных состояниям окружающей действительности референтных зависимостей (в отличие от научных тезаурусов, где подобная ориентация является неизбежной, исходя из самого определения понятия «наука»). Речь идет о невозможности сколько-нибудь однозначного прояснения «реальных» областей значения философских понятий, точнее о невозможности приведения «жизненных» примеров, корректно воспроизводящих философскую логику. Любой философский термин изначально отсылает нас к некоему миру «реально» не существующих объектов (в то время как даже самая абстрактная, самая отвлеченная научная терминология все-таки всегда подразумевает определенную отсылку к «реально» существующим и «непосредственно» воспринимаемым вещам). Следовательно, можно сказать, что специфика философии состоит в том, что в ней все всегда происходит не так, как «на самом деле».

Отчасти здесь имеется в виду логика той же самой идеи, которая владела Ж. Делезом и Ф. Гваттари, когда они противопоставляли в

⁵ Г. Башляр, Грезы о воздухе. Опыт о воображении движения (Изд-во гуманитарной литературы, Москва 1999); Г. Башляр, Земля и грезы о покое (Изд-во гуманитарной литературы, Москва 2001).

рамках анализа предметов науки и философии соответственно «план референции» и «план имманенции»;

3) построение философских сюжетов вокруг попыток разрешения принципиально неразрешимых задач (в отличие от сюжетов научных, выстраиваемых вокруг исследований в сфере вопросов, хотя бы потенциально имеющих ответы). Под термином «сюжет» в данной ситуации имеется в виду своеобразная обобщенная конфигурация интеллектуальной интриги, задаваемой тем или иным философским (либо научным) текстом.

По большому счету, суть дела заключается в том, что любая научная интеллектуальная интрига, любой научный литературный сюжет сводится к пошаговой демонстрации процедуры решения определенной головоломки, проблематизирующей задачу расширения объема знания в какой-либо области. Следовательно, можно сказать, что научные сюжеты всегда связаны с разворачиванием ситуации исследования разного рода *проблем*, причем понятие «проблема» тут трактуется как такая разновидность когнитивного диссонанса, которая а priori подразумевает возможность его финального устранения, согласования.

В то же время, философские литературные сюжеты представляют собой попытки разворачивания ситуации приобщения к некоторым *тайнам*, которые, показывая себя каждый раз по-новому, никогда не могут быть окончательно разгаданы.

Философия, следовательно, изначально обращена к некоторым странным событиям, которые являются неизбежной и неустранимой частью нашей жизни, но при этом никогда не могут быть однозначно истолкованы или объяснены. В каком-то смысле, философия занимается бесполезными практически поисками невозможных ответов на зачастую невыразимые вопросы.

Таким образом, в философской литературе сюжеты изначально выстраиваются совершенно на другой основе, чем в литературе научной.

В целом, анализ философской и научной литературной стилистики приводит нас к мысли о необходимости специального исследования, посвященного рассмотрению соответствующих литературных пространств.